

Глава 16

Раннее утро, выставочный зал художественного музея.

Вэнь Цинлинь, вопреки привычке вставать поздно, приехал ни свет ни заря, чтобы лично провести финальную проверку. Вместе с ним по залу прохаживался Тун Нин.

— Оформление вышло на славу, — на ходу восхищался Тун Нин. — Идеально сочетается с твоими картинами и не перетягивает внимание на себя... Я смотрю на это уже который день, а всё равно дух захватывает. Представляю, какой тут поднялся ажиотаж!

До официального открытия в десять утра оставался ровно час.

— Ещё бы не на славу, — изогнул бровь Вэнь Цинлинь. — Иначе к чему были мои полумесячные полуночные бдения?

— И то верно! — ухмыльнулся Тун Нин. — Всё-таки дотошность великого художника приносит свои плоды, ха-ха-ха!

Цинлинь лишь неопределенно усмехнулся, продолжая внимательно осматривать каждый угол, дабы убедиться, что всё безупречно.

— Чёрт возьми, учитель Вэнь! — внезапно выкрикнул Тун Нин, округлив глаза. — Ты это случайно или специально?!

Вэнь Цинлинь повернул голову и встретил его ошеломлённый взгляд, устремлённый ему на шею. Губы художника тронула едва заметная улыбка.

— А ты как думаешь? — ответил он вопросом на вопрос.

Эта реакция сказала обо всём без слов. Глаза Тун Нина стали ещё шире, и он изумлённо пробормотал:

— Чёрт... Десять лет тебя знаю, неужто наш небожитель Вэнь наконец решил спуститься с небес на грешную землю?..

И впрямь, как иначе объяснить его сегодняшний наряд? Под чёрную шелковую рубашку Вэнь Цинлинь надел полупрозрачную гипюровую водолазку с невысоким воротником.

Вот только эта тончайшая сетка ничего не скрывала.

Сквозь полупрозрачную ткань на шее сбоку чётко проступал багровый след... Тонкий флёр не прятал засос, а лишь придавал ему ещё большую пикантность, манящую и двусмысленную.

А Вэнь Цинлинь уже признал, что оделся так намеренно — ему было совершенно плевать, кто и что увидит.

— Хотя генеральный директор Шэнь тоже хорош, не ожидал от него... — протянул Тун Нин, качая головой. — С виду такой сухой, сдержанный интеллигент, а сам, прекрасно зная, что у тебя сегодня выставка, оставляет отметины на самом видном месте!

Вэнь Цинлинь тихо хмыкнул, не став вдаваться в подробности, и лишь заметил:

— Он и впрямь очень сдержанный и воспитанный человек.

Тун Нину и в голову не могло прийти, что этот багровый след появился здесь по личной просьбе — вернее, после откровенного соблазнения — самого Вэнь Цинлиня.

В памяти невольно всплыли картины минувшего вечера...

Вэнь Цинлинь и сам не понял, чем задел Шэнь Тинюаня, когда просто позвал его на выставку. Но то приглашение словно сорвало какой-то предохранитель: мужчина брал его с такой страстью и яростной напористостью, какой не проявлял ещё никогда.

Впрочем, для Вэнь Цинлиня вся эта «ярость и натиск» были лишь чуть более пылким проявлением чувств. Шэнь Тинюань по-прежнему оставался невероятно чутким и заботливым.

Особенно когда тот впервые не сдержался и уткнулся лицом ему в затылок, прижавшись горячими губами к чувствительной коже на шее... И так и замер. Просто касался губами, плавно поглаживал и долго не делал ни единого движения дальше. Ни прикосновения языка, ни лёгкого укуса, ни прижиманий... Чересчур деликатно, до нелепости.

Вэнь Цинлинь же, распалённый и подвешенный на грани, ощущал, как от обжигающего дыхания чешется шея, а сердце так и заходится в сладком зуде... В конце концов, не выдержав, он лукаво спросил прямо в лоб:

— Господин Шэнь... не хотите оставить мне «отметину»?

Стоило этим словам слететь с его губ, как дыхание на затылке мгновенно стало ещё более обжигающим и рваным. Но спустя пару секунд Шэнь Тинюань не только не поддался соблазну, а напротив, слегка отстранился и произнёс сиплым голосом:

— Нельзя. У тебя завтра открытие выставки, придёт много народа.

Это лишь подлило масла в огонь. Вэнь Цинлинь с дьявольским азартом решил поддевать его дальше:

— И то правда, господин Шэнь... Завтра и впрямь будет много гостей... Ах... Много моих знакомых, которые до сих пор понятия не имеют, что я женат.

Должно быть, эти слова пробили последнюю брешь в его самоконтроле. В следующее мгновение Вэнь Цинлинь ощутил, как стоящий позади него мужчина сжался и с безудержной, накрывающей с головой силой прижал его к себе — в этом движении прорвалась дикая, долго сдерживаемая страсть.

Губы Шэнь Тинюаня вновь ввелись в чувствительную кожу на шее. Но на сей раз это было не просто нежное прикосновение... С умелой, но трепетной осторожностью он приник к безупречно белой коже, оставляя на ней яркий засос.

Это был первый след, который Шэнь Тинюань когда-либо запечатлел на теле Вэнь Цинлиня.

Утром, разглядывая себя в зеркале, Вэнь Цинлинь до сих пор испытывал волнующий трепет. Пусть след был всего один, пусть Шэнь Тинюань действовал предельно сдержанно и бережно, не дав волю истинному чувству собственности... Но это метка. Самая настоящая метка.

Трудно сказать, выспался ли Шэнь Тинюань в эту ночь. С одной стороны — нет, ведь он провёл её в бесконечных грёзах. С другой — да, ведь в каждом его сновидении присутствовал Вэнь Цинлинь.

Сбросив во сне заскорузлые оковы разума, Шэнь Тинюань безжалостно и упоенно овладевал им. Подобно первобытному зверю, он покрывал тело Вэнь Цинлиня горячими багровыми отметинами, словно выжигая своё клеймо. В грёзах его сила и напористость не имели ничего общего с той кротостью, что он проявлял наяву...

Проснувшись, Шэнь Тинюань ещё долго не мог прийти в себя и стряхнуть наваждение этой безумной ночи. С трудом поднявшись с кровати, он отправился в ванную — под ледяной душ.

Сегодня он намеренно поедет отдельно от Вэнь Цинлиня — чтобы приехать позже и преподнести ему букет. На самом деле Шэнь Тинюань не пропускал ни одной персональной выставки художника и всегда присылал цветы. Разумеется, он не вручал их лично: как и сотни других поклонников, он просто оставлял букет на специальном столике. И никогда не подписывал карточку.

Но на этот раз всё иначе. Теперь у него есть полное право открыто шагнуть навстречу Вэнь Цинлиню и вручить цветы лично, а не смотреть на него из тени.

От этой мысли в душе всегда сдержанного и холодного Шэнь Тинюаня вспыхнуло непривычное трепетное волнение, до того чуждое его натуре, что это почти испугало его самого.

Приняв душ, он прошёл в гардеробную и потратил на собирание гораздо больше времени, чем обычно. Наряд должен быть изысканным, чтобы соответствовать статусу Цинлиня, но не слишком строгим; элегантным, но не фривольным...

Если бы кто-то из деловых партнёров увидел, с какой щепетильностью он подбирает каждый элемент гардероба, они не поверили бы своим глазам: обычно невозмутимый и серьёзный генеральный директор Шэнь сейчас напоминал робкого юношу перед первым свиданием.

Спустя полчаса с лишним Шэнь Тинюань наконец подобрал подходящий ансамбль. Как раз в этот момент курьер доставил заранее заказанный букет.

Эквадорские розы сорта «Шёпотом белого» — благородного голубовато-белого оттенка, идеально гармонизировавшего с образом Цинлиня. На языке цветов они означали: «Ты — моё единственное сокровище».

Зайдя на кухню перед выходом, чтобы выпить стакан американо со льдом, Шэнь Тинюань заметил на дверце холодильника стикер. Размашистый, изящный почерк гласил:

«Господин Шэнь, ужин прошёл великолепно, мне очень понравилось. Ваш подарок ждёт в микроволновке».

Шэнь Тинюань замер. Бережно сняв записку, он аккуратно сложил её и спрятал в бумажник. И лишь затем открыл микроволновку, где лежал сэндвич — завтрак, приготовленный Цинлинем.

Вот только... Сглотнув, Шэнь Тинюань задумчиво насупился. Слово «ужин» в записке... не имело ли оно второй, куда более пикантный подтекст?

Помешкав мгновение, он разогрел сэндвич, достал его, сфотографировал и отправил снимок Вэнь Цинлиню, добавив сообщение:

«Учитель Вэнь, угощение потрясающее. Мне очень понравилось».

Когда пришло уведомление, Вэнь Цинлинь слушал вполуха восторженный шепоток Тун Нина о том, что у входа в музей уже собралась огромная очередь. Увидев текст, художник не сдержал тихой улыбки и бегло набрал в ответ:

«Рад, что тебе понравилось. Впредь надо делать это чаще».

А вот о чём именно шла речь — пусть адресат додумывает сам.

Настроение Шэнь Тинюаня с самого утра было приподнятым: он не только вкусил приготовленный с любовью завтрак, но и обменялся с мужем двусмысленными флиртующими репликами... А главное — он ехал на выставку, куда его пригласили лично.

И пока водитель Сяо Чжан чертыхался, застревая на каждом светофоре, сидевший на заднем сиденье Шэнь Тинюань буквально лучился безмятежным счастьем.

Увы, идиллия рухнула в то самое мгновение, когда автомобиль остановился у входа в галерею и Шэнь Тинюань вышел из салона с букетом в руках.

Вечернее подначивание Цинлиня о «множестве знакомых, которые понятия не имеют, что он женат» воплотилось в реальность прямо у него на глазах.

Из подъехавшей соседней машины вышел молодой мужчина. Шэнь Тинюаню было слишком хорошо знакомо это лицо — старшекурсник с факультета Вэнь Цинлиня, с которым тот поддерживал связь все эти годы.

На прошлых вернисажах Шэнь Тинюань не раз видел, как этот тип долго и непринужденно беседовал с Цинлинем, демонстрируя короткую ногу.

Но горше всего было то, что, когда их взгляды пересеклись, Шэнь Тинюань заметил в руках соперника точь-в-точь такой же пышный букет цветов.

<http://bllate.org/book/20550/2132233>